

В. П. ГЕОРГИЕВ

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ СЕГОДНЯ

После дешифровки хеттского языка и языковедческих исследований тридцатых годов индоевропейское языкознание вступило в новый, современный период своего развития. В течение последних пятидесяти лет материал, которым располагают индоевропейцы, значительно увеличился по количеству и углубился по древности. В отношении хеттского языка ныне в нашем распоряжении находится новый лексический материал, объем которого превышает приблизительно на 50% словник «Словаря» Й. Фридриха и его трех дополнений, опубликованных между 1952 и 1966 гг. Новейшие исследования хеттского, лувийского и палаяского языков способствовали решению разнообразных проблем их грамматики и лексики. После открытия иероглифических надписей в 1949 г., дошедших до нас в виде билингвы, сведения об иероглифическом лувийском языке значительно расширились. Изучение этих языков II тысячелетия до н. э., древнейших из индоевропейского языкового семейства, революционизировало индоевропеистику и способствовало ее бурному развитию. Реконструкция индоевропейского праязыка младограмматиками, покосившаяся главным образом на данных греческого и древнеиндийского языков, в наши дни представляется устаревшей. Данные хетто-лувийских языков привели к существенным изменениям старых концепций. Вообще эти языки дали значительный толчок к обновлению индоевропеистики.

В 1933 г. К. Бак писал: «Большинство древних языков Малой Азии (лидийский, карийский, ликийский) — это неиндоевропейские языки, принадлежащие группе..., которую уместно назвать анатолийской»¹, и такая была господствующая концепция того времени. В противоположность ей в наши дни известно, что лидийский, ликийский, а по всей вероятности, и карийский — языки индоевропейского происхождения.

Недавнее открытие обширной ликийско-греческо-арамейской трилингвы, которая уже опубликована, вносит значительный вклад в изучение этого позднелувийского диалекта и ставит перед индоевропеистикой новые проблемы. Доказано, что лидийский является позднехеттским диалектом или по крайней мере близко родствен хеттскому. Карийские надписи еще не дешифрованы, однако на основании карийских глосс и имен собственных ясно, что и этот язык I тысячелетия до н. э. принадлежит к хетто-лувийской группе. К этой же группе следует отнести также этрусский язык, являющийся западномалоазийским и близкородственным лидийскому и хеттскому. Эта концепция завоевывает в последнее время все больше сторонников.

Дешифровка микенских надписей, датируемых второй половиной II тысячелетия до н. э., внесла значительный вклад в изучение греческого языка и поставила совершенно новые проблемы перед индоевропеистикой. Эта дешифровка, как и так называемая «пеласгийская теория», т. е. уста-

¹ См.: C. D. Buck, Comparative grammar of Greek and Latin, Chicago, 1933.

новление индоевропейского происхождения догреческого языка, показала ошибочность господствовавшей долгое время теории П. Кречмера о наличии доиндоевропейских языков в Эгейской области.

Существенно пополнились наши знания и о других древних балканских языках. Если раньше считалось, что на Балканском полуострове в древности существовало только три древних индоевропейских языка — греческий, фракийский и иллирийский, то теперь установлено, что языковой материал, который приписывали фракийскому, принадлежит к трем достаточно различным индоевропейским языкам — к фракийскому, фригийскому и дакийскому. Тщательное изучение фригийских и нескольких фракийских надписей, а также одной дакийской, найденных в последнее время, несомненно внесли определенный вклад в индоевропеистику.

Несмотря на то, что данных о языках западной половины Балканского полуострова меньше, можно уже с большой вероятностью считать, что здесь в древности был распространен не только иллирийский язык, но еще два или три других индоевропейских языка: иллирийский на юго-западе, далматинский в центре, паннонский на севере (в Паннонии) и близкородственный венетскому либурнийский на западе.

После того как было выяснено, что венетский язык отличается от иллирийского, полностью отпала иллирийская теория Г. Крае, господствовавшая главным образом в немецком языкознании в сороковых и пятидесятых годах. Гораздо лучше стали известны и так называемые «малые языки» древней Италии. За последние несколько десятилетий были найдены новые венетские надписи и стало очевидно, что венетский язык — это не иллирийский, а особый индоевропейский язык, близкородственный латинскому. Уже окончательно доказано, что ретийский язык, на котором говорили в центральной области Альп в последние века до н. э., представлял собой диалект этрусского языка. Новейшие исследования лепонтийских надписей в западных Альпах показали, что это особый кельтский язык.

Значительно увеличилось число мессапских надписей, но, к сожалению, в них еще многое остается неясным. На основании найденных недавно элимских надписей в северо-западной Сицилии высказано очень вероятное предположение, что элимский язык близко родствен хеттскому и этрусскому.

В области изучения индоиранских языков также получены некоторые новые данные. Неоспорим тот факт, что кафирские (дардские) языки, сегодня по существу индийские, представляют третью арийскую языковую группу с характерными фонематическими особенностями. Найденные недавно хотано-сакские тексты внесли определенный вклад в изучение иранских языков.

В последнее время разгорелся спор о так называемых праиндийских словах и именах собственных, встречающихся в некоторых хеттских и Переднеазиатских документах. Тогда как прежде значительное количество таких имен некритически толковались как праиндийские, теперь почти все подобные интерпретации отрицаются. Нельзя, однако, отрицать праиндийское происхождение большинства этих слов и имен собственных, являющихся важным свидетельством праиндийского языка II тысячелетия до н. э. Изучение тохарских языков шаг за шагом продвигается вперед.

Если младограмматикам были известны в качестве древнейших индоевропейских языков лишь ведический и гомеровский, восходящие к концу II тысячелетия, но дошедшие до нас в более поздних записях, то теперь стал известен целый ряд языков II тысячелетия до н. э.: хеттский, лувийский, палайский, микенский греческий и праиндийский. Для индоевропеистики это исключительно ценно.

Новые данные дали возможность уточнить ряд вопросов реконструкции праиндоевропейского языка, а также решить некоторые глоттогонические проблемы.

Однако исследование индоевропейских языков обогатилось в наши дни не только за счет значительно возросшего количества материала, но главным образом вследствие применения различных методов, например, сравнительно-исторического, структурального, ареального, математических методов, индуктивного и дедуктивного и т. п. Особенно важные результаты получены в итоге комплексного применения двух, трех или даже более методов.

По сравнению с младограмматическим периодом существенно изменились наши взгляды на (диахроническую) фонологию индоевропейского праязыка. Тезис о наличии трех ларингалов $l' = H_1$, $h = H_2$, $h' = H_3$ / уже принят почти всеми языковедами. Дальняя (ретроспективная) реконструкция при помощи ларингалов дала возможность проникнуть в далекое прошлое индоевропейского праязыка, революционизировала изучение его фонологии и морфологии. История хеттского языка явно указывает на сравнительно позднее возникновение долгих гласных. Тезис о моновокальной структуре индоевропейского корня или слова, представляющего собой однослоговое образование «согласный + гласный + согласный» (C_1eC_2), уже находит многих сторонников. Это положение позволяет глубже проникнуть в развитие первоначальной праиндоевропейской речи. Отпала гипотеза К. Бругманна о существовании интердентальных спирантов в индоевропейском праязыке. Теория *septum — satem* и тройственное деление гуттуральных согласных, канонизированная К. Бругманном в его «Grundriss»'е, все еще имеет многих сторонников, преимущественно в немецкой лингвистике. Однако тезис о двойственном делении гуттуральных согласных и о возникновении аффрикат и шипящих путем палатализации приобретает все больше сторонников.

Наиболее значительные изменения произошли в области м о р ф о л о г и и. Выдвинутое К. Бругманном в конце XIX в. предположение о вторичном происхождении разделения грамматического рода на мужской и женский можно уже считать окончательно установленным. Первоначальное положение сохранилось в хетто-лувийских языках, где существует лишь общий и средний род. В греческом и латинском языках более древнее состояние сохранилось в словах мужского и женского рода с основой на $-ā$ и на $-o-$, а в славянском — в словах мужского и женского рода с основой на $-ā-$.

Индоевропейская форма основ на $-ā-$ продолжает праиндоевропейскую форму на $-ehi/y$ (i/y в зависимости от сандхи), сохранившуюся в лувийском ($-ahi$), в хеттском ($-aai$ из праи.-е. $-ehi$), а также в различных флективных формах других индоевропейских языков, например, ед. ч. дат. пад. $-āy-ai$, род. и абл. $-āy-ās$, зват. $-e$ и др. в древнеиндийском, зват. пад. $γόναι$ в греческом, им. пад. *quae* (из праи.-е. $*k^wehi$) в латинском, твор. пад. *женож* в древнеболгарском и др. В большинстве индоевропейских языков, однако, в им. пад. ед. ч. была обобщена форма сандхи $-ā$, оказавшая влияние на трансформацию других падежей.

В сущности, в некоторых индоевропейских языках в так называемых основах на $-ā$ (праи.-е. $-ehi/y$) совпали согласные основы, оканчивающиеся на $-eh-s$, как, например, хетт. *ishaas* «господин, государь» из праи.-е. $*^oys-eh-s$, др.-инд. *panthāh* = авест. *panthā* «путь» из праи.-е. $*pont-eh-s$, греч. $βορέας$ «борей (северный ветер)» из праи.-е. $*g^worey-eh-s$ и т. п.

В индоевропейском языке не было дифтонгических основ. Так называемые «дифтонгические основы» — не что иное, как обыкновенные основы на *-i-*, в которых исчез первоначальный ларингал перед *i*: праи.-е. **dye^h-i-s*, **g^we^h-i-s*, **neh-i-s*. Это были *nomina agentis* с приблизительным значением «светящийся», «рыкающий, рыкач», «плавающий, пловец». С другой стороны, греческие личные имена и *nomina agentis*, оканчивающиеся на *-εως*, представляют собой первоначальные *nomina agentis* на *-i-s*, парадигма которых была трансформирована под воздействием формы звательного падежа на *-ευ* (при *nomina agentis* и личных именах звательный падеж имеет большую частотность употребления) и слова *Zsōs*.

Еще более значительные перемены и новые положения находим в области глагольных категорий. Теперь уже стало возможным представить общую картину возникновения глагольных категорий. В индоевропейском языке первоначально не было глагольных времен, а только три глагольных вида — несовершенный (или дуративный), совершенный (или моментальный) и перфектный (или результативный), выражавший состояние. Времена суть понятия абстрактные, логические. Виды выражают конкретные действия или состояния, которые можно наблюдать. Все абстрактные понятия произошли из конкретных. Так, категория глагольного времени возникла в праиндоевропейском или общиндоевропейском на основе глагольных видов праиндоевропейского языка. Настоящее время (презент), выражающее действие продолжающееся, возникло из несовершенного (дуративного) времени. Его первоначальная форма сохранилась лучше всего в греческом языке, а отчасти также в хеттском, ведическом, авестийском и некоторых других языках. Его праиндоевропейская парадигма следующая:

	Праи.-е.	Греч.	Хетт.	Индоиран.
Ед. 1.	$C_1eC_2-e^c$	φέρω	<i>sipantah(+ hi)</i>	авест. <i>spasy-ā</i>
	C_1eC_2-eys	φέρ-εις	<i>unn-is(-teni)</i>	
	C_1eC_2-ey	φέρ-ει	<i>sipant-i</i>	вед. <i>śáy-e</i>
Мн. 1.	C_1eC_2-mes		(<i>ess-weni</i>)	
	C_1eC_2-tes	лат. <i>fer-tis</i>		
	C_1eC_2-onti	φέρ-ουσι	<i>sipand-anzi</i>	<i>bhár-anti</i>

C_1eC_2 представляет собой корень или основу (этимологический минимум). Окончания — это личные или показательные местоимения или первоначально дейктические частицы. Относительно $-e^c$ ср. греч. $\acute{\epsilon}\tau\text{-}\acute{\omega}$ из праи.-е. **e-g(e)-e^c*; относительно $-eys$ ср. др.-инд. *eṣa* «этот» из **ey-so*; относительно $-ey$ ср. др.-инд. *ay-am* «этот» из **ey-em*; $-mes$ = литов. *mēs*, арм. *mek^h* «мы»; $-tes$, вероятно, возникло из **tu-es*, мн. ч. от **tu* «ты».

Начальные гласные окончаний $-e^c$, $-eys$, $-ey$, $-onti$ были перенесены также на 1 и 2-е лицо мн. числа, так как существовала определенная трудность в спряжении глаголов, основа которых оканчивалась на носовой или дентальный. Таким образом возникли так называемые «тематические» гласные.

Первоначальная парадигма совершенного (моментального) вида была следующая:

Ед. число	Мн. число
1. C_1eC_2-m ($-m$).	C_1eC_2-me
2. C_1eC_2-s	C_1eC_2-te
3. C_1eC_2-t	C_1eC_2-nt ($-nt$)

Различные формы морфем в рассмотренных двух парадигмах выражают собственно совершенный и несовершенный виды. В качестве окончаний совершенного вида выступают личные или указательные местоимения, а также первоначально дейктические частицы.

Эта парадигма сохранилась лучше всего в так называемом ведическом иньонктиве, представляющем собой атемпоральное и амодальное выражение действия или состояния, например, вед. *dhāt* из праи.-е. **d^he'-t*, *sthāt* из праи.-е. **steh-t*.

В позднеиндоевропейском или общиндоевропейском из праи.-е. совершенного вида постепенно оформился аорист или претеритум. Например, в хеттском языке засвидетельствована следующая парадигма:

Ед. число	Мн. число
1. <i>ekun</i>	(<i>e</i>) <i>es-wen</i> , <i>daa-wen</i> , <i>ekuen</i>
2. <i>daas</i> из * <i>de'-s</i>	(<i>e</i>) <i>es-ten</i> , <i>daa-tten</i>
3. <i>arnu-t</i> , <i>tet</i>	<i>daa-er</i> , <i>eku-er</i>

В позднеиндоевропейском (по всей вероятности, в определенной диалектной области) прошедшее действие или состояние подчеркивалось особо с помощью наречия *é* «некогда», которое было ударным:

Греч.	из * <i>é-steh-m</i>	Др.-инд.
Ед. 1. $\xi\text{-}\sigma\tau\eta\text{-}\nu$		<i>á-sthām</i>
2. $\xi\text{-}\sigma\tau\eta\text{-}\varsigma$		<i>á-sthā-s</i>
3. $\xi\text{-}\sigma\tau\eta$		<i>á-sthā-t</i>
Мн. 1. ($\xi\text{-}\sigma\tau\eta\text{-}\mu\epsilon\nu$)		<i>á-sthā-ma</i>
2. $\xi\text{-}\sigma\tau\eta\text{-}\tau\epsilon$		<i>á-sthā-ta</i>
3. ($\xi\text{-}\sigma\tau\eta\text{-}\sigma\alpha\nu$)		(<i>á-sthāur</i>)

Так на основе парадигмы совершенного вида возникло глагольное время для обозначения прошедшего действия или состояния, т. е. так называемый корневой аорист в греческом и индоиранском языках.

С другой стороны, для обозначения того, что действие или состояние совершается или протекает на глазах у говорящего, в данный момент, т. е. в настоящее время, в конце форм парадигмы совершенного вида присоединялось наречие *i* «здесь (и теперь)». Таким образом возникла парадигма так называемых атематических глаголов:

Праи.-е.	Др.-инд.	Хетт.
Ед. 1. $C_1\acute{e}C_2\text{-}m\text{-}i$	<i>ásmi</i>	<i>eesmi</i>
2. $C_1\acute{e}C_2\text{-}s\text{-}i$	<i>ási</i>	<i>eessi</i>
3. $C_1\acute{e}C_2\text{-}t\text{-}i$	<i>ásti</i>	<i>eeszi</i>
Мн. 1. $C_1C_2\text{-}mes\text{-}i\text{-}(m\acute{e}\text{-}ni)$	вед. <i>smási</i>	<i>epuweni</i>
2. $C_1C_2\text{-}t\acute{e}\text{-}ni$	вед. <i>sthána</i>	<i>epteni</i>
3. $C_1C_2\text{-}\acute{e}nt\text{-}i$ ($\text{-}nt\text{-}i$)	<i>sánti</i>	<i>asanzi</i>

Первоначальное различие в значениях этого в т о р о г о настоящего времени и рассмотренного выше п е р в о г о настоящего времени ($C_1^cC_2\text{-}e^c$, $C_1C_2\text{-}eys$ и пр.) было такое же, как в английском языке разница между present progressive tense и present simple tense, например, *he is writing* и *he writes*, или как в турецком языке между двумя настоящими временами — geniş zaman (например, *okurum* «читаю» и «буду читать») и şim diki zaman (например, *okuyorum* «читаю в данный момент»). Постепенно это различие исчезло уже в позднеиндоевропейском.

Первоначальная парадигма совершенного вида, в которой все окончания начинались согласным (*m, s, t, n*) не была подходящей для корней или основ, оканчивающихся на дентальный, носовой или на *s*. Поэтому она была преобразована по образцу парадигмы несовершенного вида (первого настоящего времени). Таким образом появилась новая парадигма:

Ед. число	Мн. число
1. C_1eC_2-o-m	$C_1(e)C_2-o-me$
2. C_1eC_2-e-s	$C_1(e)C_2-e-te$
3. C_1eC_2-e-t	$C_1(e)C_2-a-nt$

Следовательно, перед носовым согласным появилось *o*, а перед *t* и *s* — *e* (как в *-eys, -ey*, однако *-e' > -oh* и *-onti*). Таким образом возникло так называемое тематическое спряжение.

Третий, или перфектный (результативный) вид выражал состояние. Его парадигма следующая:

	Праинд.-е.	Греч.	Др.-инд.
Ед.	1. $C_1\delta C_2-he$	$oi\delta-a$	$ved-a$
	2. $C_1\delta C_2-the$	$oi\delta-\theta a$	$vet-tha$
	3. $C_1\delta C_2-e$	$oi\delta-\varepsilon$	$ved-a$
Мн.	1. C_1C_2-me	(гом. $\dot{i}\delta-\mu\varepsilon\nu$, атт. $\dot{i}\sigma-\mu\varepsilon\nu$)	$vid-m\acute{a}$
	2. $C_1C_2-t\acute{e}$	$\dot{i}\sigma-\tau\varepsilon$	$(vid-\acute{a})$
	3. $C_1C_2-(h)\acute{e}yer(i)$	($\dot{i}\sigma\acute{\alpha}\sigma t$), лат. $(vid)-\acute{e}re$	$(vid-\acute{u}r)$

На основе этой парадигмы в позднейноевропейском возникло так называемое время *perfectum-praesens*. Как настоящее время оно смешалось (особенно в хеттском языке) с настоящим временем действительного залога, а также с настоящим временем среднего залога. Кроме того, как прошедшее время, оно оказало воздействие на претерит или аорист.

Здесь нет возможности изложить все подробности возникновения глагольных категорий. Хотелось бы указать лишь на возникновение среднего залога, которое произошло на основе следующих праиндоевропейских парадигм:

Ед.	1. $C_1\acute{e}C_2-moy$	$C_1\acute{e}C_2-me'm$
	2. $C_1\acute{e}C_2-soy$	$C_1\acute{e}C_2-so/-swe$
	3. $C_1\acute{e}C_2-toy$	$C_1\acute{e}C_2-to$
Мн.		1. $C_1\acute{e}C_2-me(s)-dwo$
		2. $C_1\acute{e}C_2-(y)u(s)-dwo$
	3. $C_1\acute{e}C_2-ntoy$	$C_1\acute{e}C_2-nto$

В этих парадигмах мы находим: дательный (*-moy*) или же винительный (*-me'm*) падежи личного местоимения 1-го лица ед. числа; *-soy, -toy* — дательный падеж возвратного и указательного местоимений; *-so, -to* — несклоняемые формы праиндоевропейского винительного падежа; *-swe* = др.-инд. *svā*, гомер. $\acute{\varepsilon}$ — возвратное местоимение. Относительно окончаний *-me(s)-dwo, -(y)u(s)-dwo* ср. литов. *mū-du* или *vė-du* «мы оба», *jū-du* «вы оба», гот. *wi-t* «мы оба», др.-исл. *i-t* «вы оба» (*-t* из **-dwo*). В семантическом отношении эти образования почти идентичны, с одной стороны, русскому *говорю себе, думаю себе*, болгарскому *говоря си, казвам си, мисля си*, французскому *je me dis, tu te dis, il se dit*, а с другой, — русскому *моюсь*, болгарскому *мия се*, французскому *je me lave, tu te laves*.

*

В заключение мне хотелось бы остановиться также на двух существенных проблемах индоевропеистики — о прародине индоевропейских языков и о распаде индоевропейского праязыка.

Господствовавшая долгое время теория, определявшая прародиной индоевропейцев территорию Центрально-Северной Европы и временем их расселения или распада праязыка начало II тысячелетия до н. э., была окончательно отвергнута после открытия древних южноиндоевропейских языков.

Хеттский, микенский греческий и праиндийский, засвидетельствованные в середине II тысячелетия до н. э., сильно различаются между собой. Для наступления столь больших различий были нужны многие столетия и даже тысячелетия независимого развития упомянутых языков. Из этого следует, что индоевропейский праязык начал распадаться на отдельные группы или ветви в очень отдаленные времена, счет которым ведется в тысячелетиях. Несомненно, индоевропейский праязык существовал уже со времени появления современного человека, которое относится к позднему палеолиту (приблизительно 25 000 лет назад). Относительно того, где жили носители индоевропейского праязыка во время палеолита, нельзя утверждать ничего определенного.

С начала неолита и появления примитивного земледелия и скотоводства, приблизительно 8000 лет назад, население Европы начало оседать и множиться. К этому времени, по всей вероятности, восходят древние гидронимы и оронимы Европы. На основании изучения гидронимии древней Европы видно, что от Рейна на западе и до Дона на востоке, южнее Северного и Балтийского морей до Альп, включая Балканский полуостров, а, вероятно, также Западную Малую Азию, все названия крупнейших рек — индоевропейского происхождения. Этот факт указывает на то, что на этой огромной территории жили главным образом носители индоевропейских языков. При нынешнем состоянии индоевропеистики такая гипотеза представляется наиболее вероятной.